

СИНТАГМА В ИНТЕРПРЕТАЦИИ И. А. БОДУЭНА ДЕ КУРТЕНЭ И Л. В. ЩЕРБЫ

Е. В. Филатова

Донецкий институт туристического бизнеса,

В. А. Филатов

Донецкий национальный университет

Реферат. В статье представлены взгляды И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы на синтагму, которую они считали простейшей единицей речевого потока, возникающей в сознании человека при порождении речи и являющейся основой при её восприятии. Делается акцент на эволюции взглядов Щербы на синтагму.

Ключевые слова: сфера языка, сфера речи, единицы языка, единицы речи, синтагма, синтагматическая структура, синтагматическое членение.

В современной лингвистической науке растёт интерес к проблемам речи, что вполне объяснимо, так как именно речь выступает в качестве индивидуального орудия мышления, способа выражения его результатов, а также эффективного средства воздействия на людей. Секреты речи (её структуры, содержания, воздействия на адресата и её культуры) вызывают интерес у многих исследователей и рядовых носителей языка, изучающих её прагматическую сторону. По мнению академика Л. В. Щербы, речь – это “деятельность человека, направленная... к наилучшему... выражению своих мыслей и чувств”. Такое мнение сформировалось у него не без воздействия его учителя И.А. Бодуэна де Куртенэ, который считал, что лингвистика должна целенаправленно и всесторонне заниматься исследованием “человеческой речи во всем ее разнообразии”.

В связи с этим представляется актуальным и уместным вопрос о реальной исходной недифференцированной единице порождения и восприятия речи, о возникновении учения о ней, которое в нашем языкознании связано с именами И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы.

Устная речь как первичная форма общения составляет субъектом из простейших **речевых единиц** в результате последовательного их наращивания. При этом он осуществляет их чёткую делимитацию с помощью пауз, благодаря которой слушатели легко осознают каждую такую единицу и её ситуативное значение. Письменную речь нельзя правильно понять без адекватной делимитации читателями тех структур, из которых она составлена автором. Если в устном общении говорящий сам разграничивает исходные единицы, чем способствует быстрому восприятию слушателями их значений, то в письменной речи ситуация сложнее: делимитация исходных единиц и осознание их интонации осуществляется читателем. И чем больше она у него будет соответствовать авторской, тем точнее он поймёт содержание текста.

Так как нам предстоит разговор о речи, её порождении и восприятии, то целесообразно начать его с того, что такое *синтагма*. Синтагма – минимальная, недифференцированная, одномерная речевая единица, в которой единству структуры соответствует один фрагмент содержания, которая представляет структурно-интонационное и смысловое лексическое единство, являясь исходной структурой при порождении речи и опорной единицей при её восприятии. Вовсе не из отдельных слов составляется речь, а именно из синтагм, отражающих исходное комплексное использование слов. В родном языке синтагмы возникают в сознании человека спонтанно как цельные лексические блоки, наращивание которых способствует организации речи, а их

интонационное разграничение помогает осмыслению их значения и адекватному восприятию содержания речи в целом [1, с. 17]. Синтагма может состоять из одного слова, но обычно она включает несколько слов с единым ситуативным значением. Речевое значение многокомпонентных синтагм в значительной степени определяется их структурой и межсинтагматическими связями, а значение однословной синтагмы определяется на основании её сочетания с другими синтагмами. В отличие от слова как единицы лексической системы, которому характерны **обобщённость значения** и **самодостаточность**, синтагма как речевая единица отражает единый **конкретный фрагмент содержания** и предполагает **сочетаемость** с целью передачи актуальной информации.

Учение о синтагме и синтагматике в зарубежной лингвистике развивалось под влиянием идей Ф. де Соссюра, которое испытали многие языковеды, повторяя при этом и весьма сомнительные положения швейцарского лингвиста, не замечая у него очевидных противоречий. И главное из них было в том, что, декларируя необходимость разграничения языка и речи, сам он нередко смешивал эти сферы. Так, относя синтагму – исключительно речевую структуру – к сфере языка, он тем самым смешивал сферы языка и речи. Этот огрех присущ многим его последователям. Однако у некоторых наших языковедов учение о синтагме получило иное направление. В качестве его пионеров выступили И.А. Бодуэн де Куртенэ и его ученик Л.В. Щерба.

Цель статьи – отразить роль И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы в развитии теории синтагмы и синтагматической основы речи.

В отечественном языкознании термин *синтагма* существовал ещё в начале XVII века. М. Смотрицкий включил его даже в название своей известной грамматики [2]. Затем он забылся, уступив место словосочетанию и предложению. Вернул его в науку в начале XX века И.А. Бодуэн де Куртенэ. Впервые синтагма появляется в его работах в 1908 г. Этот факт первым отметил академик В.В. Виноградов: «...термин синтагма появился почти одновременно в нашем отечественном языкознании и в буржуазной западноевропейской лингвистике... У нас термин синтагма прежде всего был употреблен проф. И.А. Бодуэном де Куртенэ» [3, с. 190]. В оценке Бодуэна де Куртенэ, “синтагмы; знаменательные слова, с синтаксической точки зрения не делимые единицы” [4, с. 67].

Возвращение термина в научный обиход связано с необходимостью разграничения сфер языка и речи, с осмыслением разного качества значения одного и того же слова в сфере языке и в области речи. Синтагмой Бодуэн назвал слово в речи, точнее в предложении, противопоставляя его тем самым слову в системе языка, для которого он использовал термин *лексема*. Новым термином Бодуэн де Куртенэ завершил свою систему минимальных лингвистических единиц для каждого из языковых уровней (*фонема – морфема – графема – лексема – синтагма*). Для него синтагма – минимальная, недифференцированная конструктивная часть предложения (слово или неделимое сочетание в качестве единого **речевого** компонента). Он видел, что одно и то же слово в функциональном и содержательном отношении выступает в системе языка и в сфере речи (в предложении) в виде качественно разных в смысловом отношении единиц, которые нельзя отождествлять. В языке в значении слова отражён сущностный признак реалии, отличающий её от всех иных реалий мира, но объединяющий по наличию данного признака со всеми однотипными предметами, т.е. слово в языке отражает реалию-тип, его значение носит обобщающий характер. Здесь ему присущи отдельность и самодостаточность, нашедшие исчерпывающее отражение в дихотомической формуле: реалия-тип – наименование. В речи же в слове актуализируются акцидентные признаки конкретной реалии, выделяющие её среди всех однотипных, оно “обрастает” уточняющими компонентами, вместе с которыми получает единое ситуативное значение.

По сути, это была первая попытка чёткого и последовательного разграничения двух лингвистических сфер и их единиц. Идея выделить наименьшую исходную единицу синтаксиса, подобно морфеме на морфологическом уровне и фонеме на фонологическом, является прекрасной догадкой этого выдающегося лингвиста. Но учёные ещё не были готовы к её восприятию. В данном значении термин *синтагма* не закрепился в науке. С ним в тень ушли важные научные и методологические идеи о необходимости последовательного (не декларативного, а реального) разграничения сфер языка и речи, языковых единиц и речевых. Но термин не исчез, его с согласия Бодуэна стал использовать Л. В. Щерба. Впервые термин *синтагма* появляется у него в статье «О частях речи в русском языке» [5, с. 79].

Для Щербы было очевидно, что речь порождается не из отдельных слов, а из простейших речевых единиц, включающих в себя несколько слов. “Отдельные слова... отнюдь не даны нам в “речи”, – отмечал он. – Кратчайшими отрезками этой последней являются “группы слов” (могущие, конечно, состоять и из одного слова), выражающие в процессе речи-мысли единые “отдельные предметы”, в данной ситуации далее неделимые”. Это – синтагмы. Вполне определённо высказывается Щерба о словах и их месте в речи: “Кратчайшие отрезки синтагм, которые в том или другом контексте, в той или другой ситуации, могут... играть роль самостоятельных синтагм, а то и целых, хотя бы и неполных предложений, мы называем отдельными словами” [6, с. 48]. Данная речевая ситуация обрисовывается Щербой применительно к субъекту восприятия речи (так как отдельные слова ему *не даны* в речи и он воспринимает речевые группы в качестве структурно-смысловых единств).

Это следует понимать таким образом, что слова – это компоненты синтагм и попадают они в речь комплексно, в структуре своих синтагм, следовательно, их функции исчерпываются на уровне синтагм. Кратчайшие отрезки речи как минимальные типичные речевые единицы, на которые её можно расчленить, это синтагмы, тогда как кратчайший элемент языка, который соответствует отдельному понятию, выработанному в данном коллективе, это слово. Л.В. Щерба чётко разграничивал слова и синтагмы, видя в них единицы разных сфер. У них, по его мнению, разные статусы. Синтагма – единица речи, функционально она отличается от слова (единицы языка), хотя материально может совпадать с ним, сохраняя при этом статус синтагмы.

Исследуя французскую речь, Щерба отмечал, что “французские синтагмы находят себе полную параллель в русских”. Это утверждение порождает мысль о синтагме как общеречевой единице.

Интересуясь вопросами структуры речи и минимальной речевой единицы, Щерба ещё при исследовании восточно-лужицкого наречия обратил внимание на то, что в речи, по сути, интонационно выделяется лишь одна единица, которая “выражает одно понятие”. Он обозначил её термином *группа слов*. В качестве основных средств организации такой группы он называл порядок слов, их формы и интонацию, в частности, ударение, которое в каждой группе, как он полагал, всегда на последнем компоненте. Но реально ударение в такой группе всегда на самом важном в смысловом отношении слове, место которого в ней не является строго определённым, оно может быть на любом месте, поэтому и выделяется в речи ударением.

Л. В. Щерба видел, что у термина *группа слов* есть недостаток: он не соотносился с теми случаями, когда минимальная речевая единица выражена одним словом. Поэтому вскоре он заменил его термином *фраза*. Однако эта замена тоже не устраивала его по причине многозначности нового варианта. Наконец, он остановился на термине *синтагма*, позаимствовав его у Бодуэна де Куртенэ. С его точки зрения, это наиболее удачное наименование. Синтагма напоминает ему “дыхательную группу”: в ней тоже нельзя сделать паузу для вдоха, так как будет разрушено содержание синтагмы.

У Л. В. Щербы нет отдельной работы, посвящённой синтагме (не считая небольшого доклада «О синтагме», прочитанного им на семинаре в Московском институте иностранных языков в 1943 г.). Отдельные весьма лаконичные мысли о ней высказывались им в разных работах в виде попутных замечаний, которые воспринимаются в качестве гипотез. Наиболее полно они представлены в «Фонетике французского языка» (1937 г.). Здесь синтагма – всё ещё “фонетическое единство, выражающее единое смысловое целое в процессе речи-мысли и могущее состоять из слова, словосочетания и даже группы словосочетаний” [7, с. 80]. Здесь точнее определено значение синтагмы: она обозначает уже не одно понятие, как ранее утверждал Щерба, а представляет единое смысловое целое. Сочетаясь, синтагмы образуют законченную мысль – фразу, но в некоторых случаях, уточняет Щерба, её может образовать и одна синтагма. Для него синтагма – категория речевой деятельности. Её нельзя смешивать со словосочетанием. Она элемент индивидуальный, творческий, тогда как словосочетание – элемент языковой, общий. Словосочетание – установившаяся в языке модель, синтагма – конкретное представление этой модели. Синтагмы, по его мнению, вычлениваются из речи, в то время как словосочетание – “сцепление слов” – существует в языке в качестве метаязыкового средства.

Данное положение нуждается в пояснении. Так как речь порождается в результате *последовательного* наращивания синтагм, то на эти же синтагмы она и членится при восприятии. Причём только письменная речь, так как при устном общении порождение и восприятие речи, осуществляемые разными людьми, тем не менее, протекают одновременно и сливаются в единый процесс общения, в котором последовательное разграничение синтагм в речи представлено говорящим весьма наглядно. Словосочетание не соотносится с идеей *последовательности* речевых единиц. Расчленить речь на словосочетания нельзя, их можно из неё только вычленивать, если они вообще в ней имеются (Ср.: *Ночь, улица, фонарь, аптека...* Перед нами четыре синтагмы, но ни одного словосочетания). Так что речепорождающая функция словосочетаний, которые, по мнению некоторых лингвистов, наряду со словами являются готовыми номинативными средствами для построения предложений, весьма и весьма сомнительна.

Как отмечает В.В. Виноградов, у Щербы нет чёткого разграничения синтагм и словосочетаний [8, с. 500]. Однако нужно сказать, что такого размежевания нет в науке и сейчас, так что это замечание касается всей лингвистики и всех лингвистов, в том числе и самого Виноградова. Не случайно некоторые его ученики использовали данные термины как абсолютные синонимы (Н.Н. Прокопович) [9, с. 11]. Нечётко, по мнению Виноградова, разграничиваются у Щербы синтагма и речевой такт. «Изложение учения о синтагме в «Фонетике французского языка» в общем было противоречиво. Оно могло подать повод к смешению синтагмы с “речевым тактом” и “дыхательной группой”» [10, с. 500].

Возможно, это действительно так, но применительно лишь к названной работе, где Щерба говорит о синтагме как *фонетическом* объединении. Если же рассматривать его взгляды на синтагму в их развитии, с учётом его неопубликованных рукописей, то, пожалуй, никто до него и после него не представил её в такой полноте, как это сделал он, применительно к своему времени, с учётом того, каким арсеналом располагала тогда научная теория. Главное, на наш взгляд, то, что последние мысли (гипотезы) учёного о синтагме вполне соответствуют речевой практике и научной истине.

По сути, Л.В. Щерба первым из лингвистов осознал синтагматическую природу речи. Наиболее глубоко и объективно синтагма представлена у него в его последних докладах и рукописях, где он квалифицирует её как минимальную исходную синтаксическую единицу, подчёркивает её прагматическую роль, справедливо видя в

ней основу адекватного понимания читаемого текста. “В связной речи слышна лишь делимость на синтагмы и вовсе нет чёткой делимости на слова”, – констатирует он.

Б.А. Ларин, говоря о научном наследии Щербы в области речи, отмечал: “Идеи Л. В. Щербы по вопросам *общего* построения синтаксиса и системы *русского синтаксиса* (выделено автором – Е.Ф.) почти не воплощены в законченных, напечатанных его трудах. Разработка архива его рукописей позволяет полнее оценить значительный вклад его теоретических исканий в назревшую коренную ломку наших синтаксических традиций” [11, с. 209].

Весьма симптоматично, что сведения о синтагме как минимальной речевой единице помещены у Щербы в книге о фонетике, в результате чего уже традиционно синтагма рассматривается лингвистами не в синтаксисе, где она реально представлена в виде важнейшей структуры речи, а в фонетике как фонетическая единица. Её нередко сближают и даже смешивают с речевым тактом. При этом ссылаются на Щербу, но почему-то не упоминают о том, **как** он квалифицировал данную единицу в последние годы жизни. Тем самым сознательно или невольно искажается его окончательное мнение о ней. Действительно, синтагма появилась у него как **фонетическая единица**, как минимальный звуко-смысловой отрезок речевого потока. Но потом она трансформировалась у него в синтаксическую недифференцированную исходную единицу порождения и восприятия речи. И это естественно: ведь прежде чем членить речь на исходные минимальные содержательные единицы, её сначала нужно составить из этих единиц. Тогда членение будет естественным, очевидным и закономерным. И чтение – дешифровка речи – будет вполне соответствовать её шифровке. Исследуя синтагму, Л.В. Щерба переqualificировал её из фонетической единицы в синтаксическую. Он осознавал важность **устной речи**, как первичной, природной формы общения, в которой осуществляется чёткая делимитация исходных единиц, но поначалу связывал синтагму с фонетикой.

Нужно отметить, что Щерба несколько скептически относился к предложению. Осознавая, что речь составляется из синтагм, а не отдельных слов, он не проявлял особого интереса и к традиционному учению о членах предложения. Можно лишь догадываться о причинах его скептицизма. Во-первых, предложение является единицей письменной, т.е. искусственной, формы речи, и по этой причине не может быть ни универсальной, ни центральной её единицей. Оно не свойственно основной её форме – устной речи. При озвучивании текста все его предложения трансформируются во фразы, на основе которых они были выделены при составлении текста. Во-вторых, предложение нельзя считать исходной единицей речи, так как оно обычно имеет составную структуру и такое же содержание, тогда как исходная структура речи должна быть недифференцированной, т.е. “выражающей в процессе речи-мысли единые отдельные предметы, в данной ситуации далее неделимой”. У предложения нет такого признака и нет такой функции. Это дискретная речевая структура, способствующая выделению и фиксации в тексте его мыслей по мере их появления в результате линейного наращивания синтагм. Для предложения структурная и содержательная делимитация его минимальных речевых компонентов естественное явление.

Из последних высказываний Щербы о синтагме закономерно вытекает вывод о том, что обучение чтению должно строиться на синтагматической основе, так как только такой подход гарантирует правильное понимание текста (из каких единиц текст составляется, на их основе он должен и восприниматься: только в этом случае возможно его адекватное понимание). Опираясь на синтагму, Л.В. Щерба утверждает: чтобы правильно понять текст, нужно осознать его авторские синтагмы. К сожалению, эти мысли остались в рукописях учёного.

Таким образом, зарождение подлинно научной теории синтагмы связано с именами И.А. Бодуэна де Куртенэ и Л.В. Щербы. Первый предвидел минимальную

единицу речи, а второй указал на неё и после долгих поисков подходящего термина назвал её синтагмой.

Справедливости ради следует отметить, что к понятию синтагмы как речевой реальности и важной синтаксической категории несколько раньше подошёл ещё А.А. Потебня. В «Объяснении малорусских и сродных народных песен» он делит тексты песен на минимальные естественные структурно-смысловые единицы:

Ты рябинушка, / ты кудрявая, // Ты когда взошла, / когда вызрела? и т.д.

Потебня отмечает, что «единица меры стиха» одновременно является и синтаксической единицей. Каждый выделенный фрагмент фонетически организован, объединён господствующим ударением и представляет явление синтаксическое. По его мнению, мы говорим не отдельными словами, а минимальными синтаксически организованными структурами. А.А. Потебня чётко выделил в рассматриваемых народных песнях синтагмы, увидев в них особую речевую единицу, и акцентировал на них внимание читателя.

Порождение структуры синтагмы Л.В. Щерба определяет следующим образом: «В центре их стоит обыкновенно то или другое слово и правила синтагм сводятся к правилам распространения существительных, прилагательных, наречий и глаголов другими словами... исходя... из потребностей выражаемой мысли: выражение предмета на который переходит действие глагола, выражение лица или предмета, для которого что-то делается, выражение орудия действия, выражение... направления действия, его места, его времени и т.д.» [12, с. 88]. Остаётся добавить, что в непринуждённой речи все действия, определяющие порождение синтагм, обычно протекают спонтанно, автоматически.

В последних выступлениях на конференциях и записях Щерба говорит о синтагме как основной единице порождения речи. Фонетические её аспекты уходят на второй план, уступая место синтаксическим. Синтагматическая структура текста определяется его коммуникативной целью, передаваемым содержанием, а также различными смысловыми нюансами. Синтагмы отделяются друг от друга паузами. По мнению Щербы, таких пауз иногда может и не быть, но он не объясняет, когда это возможно. На наш взгляд, это возможно в тех случаях, когда по значению синтагмы не просто соотносительны, но содержательно дополняют одна другую и их интонационное объединение представляется естественным, так как обусловлено их смысловым единством. В таких случаях пауза может быть, но может и отсутствовать. И только возможность дистантного расположения таких компонентов речи указывает на то, что это отдельные синтагмы. В синтагме же пауза между её компонентами невозможна, так как она разрушит содержание всей структуры. Невозможно и дистантное положение какой-либо её части.

Паузы – указатели межсинтагматических связей и отношений. Основная их роль – разграничительная: они разграничивают синтагмы и их значения, последовательное наращение которых составляет общее содержание речи. Щерба отмечает, что паузы между синтагмами не только их разделяют, но и объединяют, уточняя и упорядочивая их смысловые и грамматические отношения. Паузы – особое речевое средство объединения. Объединительная их роль состоит в том, что, разграничивая в речи синтагмы и их значения, они помогают осмыслить их и объединить в общее содержание.

Обычно синтагмы – многокомпонентные структуры. По мнению Щербы, они не строятся, а «возникают... в процессе речи», представляя обычный способ её порождения и отражая различные отношения между конкретными реалиями, явлениями, признаками, для чего в языке нет готовых обозначений.

Некоторые синтаксисты эту функцию приписывают словосочетанию, считая его «готовой», «номинативной» единицей. Однако синтагмы – это не словосочетания, к

тому же они не “готовые” и не “номинативные” структуры. Синтагмы – конкретные минимальные речевые (т.е. коммуникативные) компоненты, появляющиеся в речи в процессе осмысления субъектом конкретных фрагментов передаваемого содержания и представляющие собой сочетания нескольких слов, т.е. это единые структурно-смысловые лексические блоки, соответствующие конкретным фрагментам ситуации.

В.В. Виноградов, комментируя взгляды Л.В. Щербы на синтагму, упустил главную мысль, открывшуюся Щербе, мысль о том, что синтагма – минимальная **речевая** структура, исходный компонент речи, одномерная, недифференцированная единица, индивидуальное образование, отражающее творческие речевые и мыслительные качества субъекта речи. Любая речь начинается с синтагмы и завершается ею.

Л.В. Щерба утверждал, что синтагма может быть основана не только на подчинительной связи, но и на сочинительной или предикативной, так как вовсе не синтаксическая связь определяет статус и сущность речевой единицы, а её функции.

Многие мысли Щербы о синтагме и её функциях – особенно последние – глубоки и весьма важны в научном отношении. Они требуют внимания и дальнейшего развития. К сожалению, они не представлены у него в единстве в виде системы, а высказаны в разных его работах в виде попутных замечаний. Есть у него и такие высказывания, которые вызывают сомнения. Таково, например, утверждение об усилении последнего словесного ударения как существенного признака синтагмы в русской речи.

Таким образом, появление синтагмы у И. А. Бодуэна де Куртенэ и Л. В. Щербы свидетельствует о том, что для них стало очевидным существование типичной минимальной **речевой единицы** с конкретным ситуативным значением, выступающей в качестве исходной при построении речи, принципиально отличающейся от слова и словосочетания как номинативных средств языка.

Для Л.В. Щербы в качестве основного понятия в синтаксисе было не предложение, а исходная речевая единица, которую сначала он называл **группой слов, фразой** и наконец **синтагмой**. Понятие синтагмы развивалось и уточнялось им в течение всей его научной деятельности.

Материал языка представляет организацию обобщённых единиц, для которых характерны **отдельность** и **самодостаточность**. Синтагмы же – минимальные единицы речи, которым характерны **конкретность** и **сочетаемость**. С них начинается индивидуальная речевая деятельность как творческий процесс. На основе синтагм происходит и восприятие речи.

РЕЗЮМЕ

У статті представлені погляди І. О. Бодуэна де Куртенета та Л. В. Щерби на синтагму, яку вони вважали мінімальною одиницею мовлення, яка спонтанно з'являється в свідомості людини при породженні мовлення й стає основою його сприймання. Робиться акцент на еволюції поглядів Л. В. Щерби на синтагму.

Ключові слова: сфера мовлення, синтагма, мінімальна мовленнєва одиниця, вихідна одиниця мовлення, синтагматична структура, синтагматичне членування.

SUMMARY

The views of I. A. Baudouin de Courtenay and L. V. Shcherba on a syntagma are represented in the article. Shcherba called a syntagma any simple phonetic structural and meaningful unity while dividing the speech. The emphasis is placed on the evolution of the scientist's views on a syntagma.

Keywords: the sphere of the speech, syntagma, minimal unit of speech, initial unit of speech, syntagmatical structure, syntagmatical division.

СПИСОК ЛІТЕРАТУРЫ

1. Филатова, Е. В. Функции синтагмы в структуре предложения и текста [Текст] / Е.В. Филатова // Русский язык, литература, культура в школе и вузе. – 2011. — № 2. – С. 17—26.
2. Смотрицкий, М. Грамматики Славенския правильное Синтагма [Текст] / М. Смотрицкий. – Подготовка факсимильного издания В.В. Нимчука. – К. : Наук. думка, 1979.
3. Виноградов, В. В. Из истории изучения русского синтаксиса [Текст] / В. В. Виноградов. – М. : Изд-во МГУ, 1958. – 400 с.
4. Шарадзенидзе, Т. С. Лингвистическая теория И.А. Бодуэна де Куртенэ и ее место в языкознании XIX-XX веков [Текст] / Т. С. Шарадзенидзе. – М. : Наука, 1980. – 133 с.
5. Щерба, Л. В. О частях речи в русском языке [Текст] / Л. В. Щерба // Избранные работы по русскому языку. – М. : Учпедгиз, 1957. – С. 63 – 84.
6. Виноградов, В. В. Общелингвистические и грамматические взгляды акад. Л.В. Щербы [Текст] / В. В. Виноградов // Памяти академика Льва Владимировича Щербы (1880 – 1944). – Л. : Изд-во Ленингр. ун-та им. А.А. Жданова, 1951. – С. 31 – 62.
7. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л. В. Щерба. – М. – Л. : Учпедгиз, 1937. – 256 с.
8. Виноградов, В. В. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В. Щербы [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С.488 – 517.
9. Прокопович, Н. Н. Вопросы синтаксиса русского языка [Текст] / Н.Н. Прокопович. – М.: Высшая школа, 1974. – 350 с.
10. Виноградов, В. В. Синтаксические взгляды и наблюдения академика Л.В. Щербы [Текст] / В. В. Виноградов // Избранные труды. Исследования по русской грамматике. – М. : Наука, 1975. – С.488 – 517.
11. Ларин, Б. А. История русского языка и общее языкознание [Текст] / Б.А. Ларин. – М., 1977. – 223 с.
12. Щерба, Л. В. Фонетика французского языка [Текст] / Л.В. Щерба. – М. – Л. : Учпедгиз, 1937. – 256 с.

Надійшла до редакції 20.10.2013 р.